

ДМИТРИЙ КУКАНОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СТИХИ

18+

Дмитрий Куканов
Параллельные стихи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Куканов Д. В.

Параллельные стихи / Д. В. Куканов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Он очень ценил и, кажется, по-настоящему любил стихи Иосифа Бродского. Даже умереть Дмитрий ухитрился в те же 55. И, наверно, не случайно друг Бродского Евгений Рейн сказал о его стихах: «Вот это – поэзия». Но писал Дима, скорее, как Пушкин и Есенин. Просто и ясно. Когда всё понятно буквально каждому. Но понятно, не значит – упрощённо, когда возникает чувство, что так сможет каждый. Не сможет. Его простой стих для любого, кто слышал или читал, сразу становился своим. Но это и есть настоящие стихи, которые никто, кроме поэта, не напишет. Они и живут с нами рядом, как бы в параллельном пространстве, прикоснуться к которому можно, только читая стихи. Такие, как стихи Дмитрия Куканова. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Герой из Достоевского	5
Рождение поэта	7
Грехи	7
Скит	8
Сонет (Я переплавлю боль в стихи)	10
*** (Призывно белеет бумага)	11
Истина и XX век. Сонет.	12
На смерть Высоцкого	13
Рождение поэта	14
Булгаков	15
Апрель	16
Радуга	18
Бурундук	20
Старый турист	21
Великий поход	23
*** (Мы понимаем слишком поздно)	24
Ты мне улыбнулась	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Герой из Достоевского

Он хотел жить в XIX веке, и его мама, Людмила Ивановна сравнила Диму с Обломовым! Но сам он по-настоящему любил князя Мышкина. Я удивлялась, – «Как же так, ведь Идиот – не человек, а идея». И слышала в ответ – «Да, знаю, я филолог!».

Идея, православная идея – стала его Альтер-эго. Называя Мышкина своим вторым «я», Дмитрий Куканов вовсе не рисовался. Он не просто искренне верил, он был ДОБРЫМ. По-христиански, по православному. Его не зря иногда сравнивали с юродивым. Кто первым жертвует чем-то конкретным ради благополучия друзей, знакомых, родственников – это Дима. При этом он часто повторял слова Иешуа, адресованные Понтию Пилату: «Он добрый человек». И на наше возмущение всегда отвечал: «Все люди хорошие и добрые...»

В Диме, точно по Достоевскому, легко уживались ангел с бесом. Он часто кутил, много пил, любил женщин, причём каждую – страстно и навсегда. А потом каялся, ведь покаявшийся грешник Христу дороже праведника. Одна из его любимых картин – рембрандтовское «Возвращение блудного сына», где его внимание привлекали пятки героя – незащищённые и открытые.

Поэт Куканов, не в пример Обломову, все же доехал до Парижа. Для него путешествия стали не просто глотком свободы, а счастьем, которое он ни на что не променял бы. Дима обожал атласы и карты, а в путешествиях не понимал пляжный отдых. Лежать под зонтиком он мог не больше четверти часа, а затем начинал изучать местность, флору фауну. И активно общаться со всеми.

Дима подбегает ко мне, мирно дремлющей под сладостным египетским солнцем, и радостно восклицает: «Я подружился с муреной! Какая красавица! Она пряталась под большим камнем, я постучался к ней в гости, правда, пришлось долго ее теребить. Вылезла-таки, показала свою мордашку!».

В Таиланде, вместе с другом, журналистом и писателем Александром Анниным, они выловили из воды морской огурец. Это создание сопротивлялось, как могло, но не устояло под напором русских молодцев. Оба вылезли на сушу вымазанными в белёсой, липкой жидкости, которую выпустил на них огурец. Приятели чертыхались, но были счастливы как дети!

Он часто и надолго уплывал в море. Морская стихия благоволила поэту. А я переживала. Однажды мне показалось, что Дима каждый раз заранее договаривается о встрече с любимой русалкой. Ему эта мысль понравилась... А может, я была права? Он заставлял меня заучивать названия тропических рыб. Он помог мне влюбиться в любопытную рыбку-клоуна. Откуда у Димы была такая любовь к морской фауне? Мы шутили: из-за его фамилии, которая произошла от слова «кукан» – палки, на которую нанизывают рыболовную сеть.

В Болгарии на Златых Пясах он, как обычно, пошёл гулять, оставив меня загорать в одиночестве. Через два часа он вернулся и рассказал, что нашёл нудистский пляж, а на нём – своего друга. Мир тесен... С журналистом и фотографом Александром Ивановым Дима познакомился во время Крымского ралли лет за пять до того. В той поездке Дима приобрёл истинное счастье – людей, которые будут до конца его поддерживать. Дима тогда работал в «Тверской, 13» – газете правительства Москвы. И муди-стори по итогам ралли они писали «на троих» – с Михаилом Кириллиным и Сергеем Осиповым, всем экипажем. Коллективное творчество еще больше их сблизило друзей. Очерк назвали «Окрыпление». Наверно, в одиночку такое и не придумать.

В Крыму Дима познакомился также с журналистом Алексеем Подымовым, ставшим впоследствии близким ему человеком. Вот, что он вспоминает: «Это был, наверное, один из последних выходов в свет Димы с мамой. Грандиозный вечер в Театре Советской Армии посвятили 100-летию начала Первой Мировой войны. Нас пригласил туда общий друг Дмитрий

Шульцев. На мероприятии присутствовали исторические реконструкторы во главе с Андреем Царёвым. Он, между прочим, когда-то работал в винной компании – "Легенда Крыма", которая и запустила весь этот Крымский марафон. В театре он бы при параде – выглядел штабс-капитаном 216-го Богородского полка. Нас окружали дамы с кавалерами, одетыми по моде 1914 года, и просто солдатня. Дима с Шульцевым расположились за столиком около роскошной лестницы. Наш поэт, будучи в лёгком подпитии, и увидев всю эту белую гвардию, вдруг громко, на весь зал затянул "Боже царя храни". Мы вовремя его остановили, иначе бы во всеуслышание объявили, что «наши в городе»».

Поэт объездил много стран, он знал и любил Россию и, конечно же, Грузию, в которой родился и вырос. «Мы – тбилисцы!» – гордо говорил Дима.

Ещё его манили горы, Алтай и Сибирь. В закрытом Красноярске-26 жил его отец, живёт брат Игорь, жила и сестра Катя, переехавшая в столицу. А на Алтае его всегда ждал двоюродный брат Алексей. И везде он находил близких по духу людей, которые его уже не могли забыть.

По-особому нежно Дима любил Грецию. Писал о ней постоянно, бывал там почти повсюду. Приехав на остров Эвбея, где жил тогда мой папа, мы облюбовали для отдыха очаровательную, маленькую бухту. Когда-то там жили только рыбаки, а потом стали строить дома туристы из Германии.

Увидев как-то пришвартованную яхту, мы тут же стали брать её на бордаж. Пиратский дух настолько захватил обоих, что мы не заметили хозяев шхуны, сидящих неподалёку. Захватить судно не удалось, зато приятное знакомство было гарантировано. Муж – чех и жена – швейцарского происхождения как-то сразу прониклись к Диме. И пригласили нас на чашку кофе. Дима так же лихо знакомился и с рыбаками, пил с ними узо и ципуру в деревенских тавернах. В общем, стал для всех своим, эвбейским парнем.

Особенно запомнилась поездка на Кипр, где стихотворца просто невозможно было остановить. Мы облазили все античные руины в округе и конечно, посетили православные Храмы, шатались, не уставая по столице – Никосии. «Вперёд, только вперёд, не сиди» – торопил Дима.

В кафе при нашем отеле работал приятный парнишка. Заговорив с ним, Дима выяснил, что он его земляк – родился в Тбилиси, и более того, учился в той же школе. Правда, на десять лет позже. Парень был понтийским греком, поэтому позже уехал жить на Кипр. Ионидис стал нашим постоянным собеседником, он рассказал о своей молодой жене, о своём свадебном путешествии.

Однажды Дима заметил в кафе супружескую пару из Англии. Они грустно пили пиво. «А давай мы угостим его нашей водкой, которую мы, кстати, захватили из Москвы!» – предложил Дима. Сказано-сделано. Англичанин был несказанно рад и удивлён. На следующий день мы встретили его уже в центре города. От британца последовал ответный дружеский жест – угощение пивом и долгий рассказ о Туманном Альбионе.

Вспоминать поездки с Димой можно бесконечно. Подпортить впечатление от них могли только чрезмерные возлияния. В этом он вёл себя также широко. Однажды, правда, благодаря этому Дима вернулся к написанию стихов. Поэзией он начал увлекаться ещё в юношеские годы, потом были прекрасные строки для Юлии – его первой жены.

И было ещё долгое творческое затишье. И вот в Египте, где с нами был Сергей Осипов, на Диму снова нахлынуло желание рифмовать. Рифмовать прямо и просто – как в «Гаврилиаде». И он писал. На рекламных листовках и на салфетках, найденных в номере гостинице или в кафе. Гаврила служил и кутил, и был послушным и непослушным мужем... Те вирши могли бы и забыться... Но через них, уже в Москве, Дима вернулся к настоящей поэзии. Чтобы уже никогда с ней не расставаться...

Виктория КАЙТУКОВА

Рождение поэта

Грехи

Мои стихи – мои грехи,
Неискупленные когда-то.
Как с Первой мировой войны
Непогребенные солдаты,

Как преданная мной любовь,
Как неродившиеся дети,
Как все те слезы, вся та кровь,
Что пролиты на этом свете.

Надеюсь, строчкой отмолю
Свои грехи, свои надежды...
О Боже, дай сказать «люблю»,
Как говорил я это прежде!

СКИТ

Когда бумаге предпочту
Берестяной хрустящий свиток,
Когда пьяней вина сочту
Ручья искрящийся напиток,

Когда срублю смиренный скит
Под сенью кряжистого кедра,
И будет крест железный вбит
В его стареющие недра,

Когда свой бранный дух предам
Прекраснейшей на свете схиме
И стану тихо, по слогам,
Разучивать природы имя,

Когда, как истый схимник встарь,
Читать я буду Бога ради
Неканонический стихарь
Своей потрёпанной тетради,

Когда зелёный окаём
Вокруг лазурной чаши свода
Начнёт дымиться сентябрём
И станут остужаться воды,

Когда однажды, при луне
Войду в свой дом под пенью петель
Тогда, быть может, я вполне
Пойму, зачем живу на этом свете.

Сонет (Я переплавлю боль в стихи)

Я переплавлю боль в стихи,
И слабость превращу в поэму,
И, искупив свои грехи,
Открою счастья теорему.

Я злость перекою в перо,
Я слёзы перелью в чернила,
Что было серо и старо –
Там будет совесть, страсть и сила.

И я преодолею страх
Пред новым или неизбежным.
Что было в сумрачных тонах,
Я перекрашу в цвет надежды.

Жаль, бога нет – я б попросил
Его дать мне на это сил.

*** (Призывно белеет бумага)

Призывно белеет бумага
Маняще сверкает перо.
О, где мне набраться отваги
Ступить через этот порог?

И рифмы теснятся в избытке,
И ритма уж поступь легка,
Откуда же немощи пытка
При виде пустого листка?

Словам не родиться из мрака,
Сегодня ко мне не придёт
Моя повивальная бабка -
Наш брат её музой зовёт.

Моё трудолюбье похвально
И избранный стиль очень бросок,
Но всё же без муз повивальных
Родится строфа – недоносок.

Надежда последняя тает,
Безмолвия крепки оковы,
Вдруг с уст онемевших слетает
Волшебное первое слово.

Истина и XX век. Сонет.

И книги обо всём уже написаны,
И все слова давно уж прежде сказаны,
Но впечатление такое, будто к Истине
Дороги нам по-прежнему заказаны.

Пустая трата слов – не преступление,
И в чёрном теле держим мы Молчание,
Но только с ним приходит просветление,
И очень молчаливо изначальное.

Как на летающих тарелок интервенцию
На времени нехватку дружно ропщем мы.
Не потому ль возникла вдруг тенденция
Подмены истины местами слишком общими?

Да, в век наш космо-атомно-стремительный
Все выводы весьма скоропалительны.

На смерть Высоцкого

Погиб солдат в стремительном бою,
Он не пытался избежать удара.
Сейчас мне кажется, что где-то там, в раю,
Он хриплым голосом кричит небесному царю:
«Всевышний, где моя гитара?»»

Шальная пуля сослепу пробила
Седьмую – кровеносную – струну.
Нам остаётся выкопать могилу
И проводить в далёкую страну,

И шестиструнную винтовку взяв его
Допеть ту песню, хоть не с прежним пылом.
– Быть может долетит она до слуха твоего,
Пока ещё Хароново корыто не уплыло.

И церемонии скорее завершив,
Наполнить водкою его святую чарку,
И тост провозгласить не слишком яркий:
Тост за неупокой души.

Рождение поэта

День подстрелив, как птицу в лёт,
Ты вычисляешь в тиши
То квадратуру круга забот,
То кривизну души.

И обвинительный твой падеж
Ищет в кромешной ночи
Узкую тропку светлых надежд
Пой менестрель! Не молчи!

Ночь – западня. Луны кинжал
Целит в горячую грудь.
В этой ночи поэтом ты стал.
Ныне вовек пребудь.

Булгаков

Макнув в бокал фалернского перо,
Презрев, как сон, все будущие беды,
Не ведая, что кто-то жезлом медным
В его зрачках священное тавро

Поставил, он ступил на этот путь.
Сел на коня тревожной масти,
Не усмирить коня, не отдохнуть!
О мастер! Трижды гордый мастер!

Он не вкушал от гефсиманских кущ,
Он не бродил под солнцем Палестины.
В доспехах римских воинов пластины
Пускают зайчиков, а те ныряют в плющ.

Где видел он дворец, фонтан и сад?
Кто дал ему евангельское право
Описывать еврейскую ораву,
Взревевшую при имени «Пилат»?

Одно лишь нам, похоже, стало ясно –
Его труды мы смело отнесем
К тем рукописям, что горят прекрасно,
Горят – но только Вечности огнём.

Апрель

Этот безумный – о! – этот безумный апрель;
Эти ручьи, это сердце за солнцем вдогонку.
Пан колченогий свою починяет свирель
Пробует ноты – пока ещё очень негромко.

Вам не услышать – не каждому это дано –
Только тому, кто влюблён в эту жизнь безнадежно;
Только тому, кто пригубив однажды вино,
Так опьянел, что его протрезвить невозможно.

Да и зачем? Пусть хоть кто-нибудь в этом бреду,
В этой толпе одичалой и нервно жующей
Слышит как кто-то невидимый дует в дуду,
Будто транслируют радио райские кущи.

Радуга

Дождь, холод, перевал, и в общем, каторга,
Чёрт знает, сколько нам ещё идти.
Вдруг впереди встаёт двойная радуга
Счастливою преградой на пути.

И, вмиг забыв про холод, про потёртости,
Про то, что можно ноги промочить,
Мы к радуге бежим, удвоив скорости,
Чтобы успеть под нею проскочить.

Но солнце слишком быстро поднимается,
По радужному хрупкому мосту,
И мост под этой ношей расплавляется
И в синеве небесной растворяется...
Нет, не догнать нам эту красоту!

И хоть не посчастливилось с приметой,
В цветастую мы не попали брешь,
Но мы на невезение не сетуем:
Ведь солнце – тоже неплохая вещь!

Бурундук

Над нами бурелома акведук,
И темнота всё тише и тревожней.
Вдруг на тропе – застывший бурундук –
Нахальнейший из всех зверей таёжных.

На симпатичной мордочке его
Страх с интересом борется. Бедняжка!
Как участилась сердца твоего
Пульсация под меховой тельняшкой.

Не бойся, зла тебе не причиним.
Ты слишком мал и мил, чтоб грянул выстрел.
Ты видишь, мы недвижимо стоим,
Пытаясь разгадать твой тайный смысл.

Но, видимо, брусничеки глаз твоих
Уже нас досконально изучили,
И ты исчез как появился – вмиг.
А мы все почему-то загрустили.

А полночью в каком-то детском сне
Приснилось мне в заплатанной палатке,
Как будто я по сваленной сосне
Скачу, скачу чертёнком полосатым.

Старый турист

Мой первый враг – рюкзак.
Второй враг – непогода,
Но я иду ва-банк
На матушку природу.

Мне говорят: «Пора!»
Повесь на гвоздь ботинки,
Не стоит свеч игра
И выделки овчинка.

Перемесить всю грязь,
Мошки бесплатный донор,
Ты хочешь? Ну и лазь
По трижды клятым горам.

А я в ответ молчу:
Словами не докажешь.
И воду кипячу
В котле, покрытом сажей.

И я в огонь гляжу,
В его хмельные блики.
И там я нахожу
Друзей святые лики.

Поднявшись на заре,
Я захлебнусь простором
И побегу скорей
К тем трижды клятым горам.

Великий поход

Мы долго шли с боями по земле
Почти что без единого привала.
Был с нами бог. В дымящейся золе
Нас много кануло. Но этого нам мало.

Мы шли и шли. И каждый день кровав
Бывал восход. Закат – ещё кровавей.
Мы огрубели. Слог наш стал корявей.
Но бог был прав. Наш бог всегда был прав.

Всех тех, кто оступался и впадал
Вдруг в ересь мягкодушья и сомненья
Наш бог руками нашими карал
Чтоб ни на миг не замедлять движенья.

Нам всё казалось – цель уже близка
Осталось потерпеть ещё немного
Сплотимся ж для последнего броска ...
Наш бог был прав, но плохо знал дорогу.

*** (Мы понимаем слишком поздно)

Мы понимаем слишком поздно,
Перебирая четки лет,
Какое счастье этот свет,
Какая роскошь этот воздух.

Простейших истин наготу
Всю жизнь в кричащие наряды
Мы прячем от чужого взгляда,
Уничтожая красоту.

Но очень просто естество
Всего, что в нас и что вокруг нас:
Элементарна звёзд округлость,
Любви хмельное торжество.

Ты мне улыбнулась

Ты мне улыбнулась и стало вдруг ясно,
Что мы понимаем друг друга без слов,
Что были бы длинные речи напрасны,
Что взгляд содержательней многих томов.

Мы маги с тобой, мы с тобой – телепаты,
Нам первым на свете не нужен язык.
Сонеты улыбок и жестов сонаты –
Всё это куда интереснее книг.

И хоть о любви ты мне не говорила,
Я знаю, что небезразличен тебе.
Об этом улыбка твоя сообщила –
Дай Бог, не последняя в нашей судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.